

РОССИЯ И УКРАИНА В ПОИСКАХ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

А.А. ТЕСЛЯ

Деполитизация как политическое действие (К истории эволюции политических взглядов П.А. Кулиша 1840–1850-х годов)*

Статья посвящена анализу эволюции политических взглядов П. Кулиша в 1840–1850-х гг. Будучи одним из лидеров украинофильского движения, оказавшего большое влияние на его становление и развитие, не только, а нередко и не столько непосредственное, но и как автор в оппонировании которому формировались позиции других участников движения. Прослеживаются параллели в интеллектуальных поисках украинофилов, с одной стороны, и русских славянофилов – с другой. Преимущественное внимание уделяется теоретическим основаниям воззрений Кулиша, отмечается сложное переплетение ориенталистской и контрориенталистской оптики. Прослеживается переход от антикваризирующего и сентиментального восприятия Малороссии к неопределенно-радикальным воззрениям середины 1840-х гг., а во второй половине 1850-х гг. – к “культурничеству” и “хуторянству”, основывающихся на переинтерпретации московского славянофильства. “Культурничество” Кулиша рассматривается как политическая программа деполитизации, в отличие от прямого политического действия открывающая возможности для развития украинского национального движения в условиях Российской империи эпохи “великих реформ”.

Ключевые слова: Н. Костомаров, П. Кулиш, национализм, политическое мессианство, романтизм, славянофильство, украинофильство.

Пантелеймон Александрович Кулиш (1819–1897) – одна из наиболее крупных и, пожалуй, наиболее противоречивая фигура в истории украинского национального движения XIX в. Его роль была общепризнана и получила мемориальное закрепление сразу же после смерти – в ряде биографических публикаций, изданиях собраний его сочинений, публикациях эпистолярного наследия. Противоречивость оценок авторов мемориальных работ (см., например, [Ефремов 1927]) выразилась в осторожности формулировок. Интенсивная научная разработка его наследия началась лишь в 1910–1920-е гг. (см. [Петров 1929; Савченко 1929]), приостановившись на долгие десятилетия и вновь набирая темп с 1990-х гг. (см. [Нахлик 2007]).

В данной работе я остановлюсь только на одном аспекте его интеллектуальной биографии – пути от достаточно радикальных и в то же время тесно связанных с

---

* Исследование выполнено в рамках работ по гранту Президента РФ № МК-5033.2015.6 “Формирование украинского национализма: между Польшей и Москвой (1840–1900-е гг.)”.

Тесля Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ). Адрес: Тихоокеанская ул., д. 136, Хабаровск, 680035. E-mail: mestr81@gmail.com.

предшествующей традицией политического мышления Гетманата взглядов Кулиша 1840-х гг. к принципиально новым, но так же внутренне связанным с традицией, воззрениям конца 1850-х гг., когда он становится наиболее заметной как для внутренней (собственно малороссийской), так и для внешней (великорусской, имперской) аудиторией фигурой украинского национального движения. Молодой Кулиш выступает промежуточным звеном между автономизмом козацкой старшины – и современным украинским национализмом [Козут 1996], однако интеллектуальная генеалогия его воззрений середины 1840-х гг. не столь прямая. Отмечу и его близость к польским малороссийским кругам, в первую очередь М. Грабовскому, с которым Кулиш был дружен вплоть до смерти последнего [Нахлик 2007, с. 32–38].

Обращаясь к читателю в начале своего юношеского романа “Михайло Чарнышенко”, Кулиш писал: “Вспомните дивную историю Малороссии, эту поэму-историю, которая как героическая песня легла на скрижали мира, – и вы не можете не призадуматься над судьбою этого необыкновенного народа, который явился чудесным образом, как роскошный цветок посреди враждебных для него стихий, блеснул необычайным блеском славы, дал знать о себе целому свету; но недостало в нем сил для его кипучей жизни, и он склонил голову преждевременно, он исчез, как сверхъестественный призрак, почти перед нашими глазами” [Кулиш 1843, с. 11].

Описывая печальный контраст прошлого и настоящего, Кулиш фиксирует в первую очередь эстетическую убогость современности, при этом подчеркивая не вытеснение одного национального начала другим, а упадок национального перед лицом “общеевропейского”. В цитируемом ниже фрагменте показательно сопоставление с малороссиянами турок и черкесов – последние в данном случае выступают как образы “естественной” жизни народов в рамках романтического противопоставления ее “цивилизации” как отчужденного, искусственного существования (как развитие шиллеровской дихотомии “наивного” и “сентиментального”, с распространением эстетического критерия за пределы искусства, его универсализации):

“Не много, кажется, лет прошло со времени последнего гетманства, но между тем как изменилась Малороссия! Если бы мы могли перенестись в те времена, нас окружил бы совсем иной мир. В целой *крайне* мы не встретили бы ни одного фрака, который из осанистого малороссийского пана делает такую странную фигурку, что тогда назвали бы ее просто – *непристойною*; не встретили бы ни одного чепчика и шляпки, из-под которых выглядывают совершенно противоречащие наряду физиономии. Мы увидели бы жупаны превосходные, с широкими гаптованными золотом поясами, к которым привешаны перешедшие через целые поколения сабли; увидели бы роскошные женские кунтуши – штофные зеленые, полутабенковые желтые, грезетовые голубые, обложенные серебряным и золотым *газом*, с бархатными и парчовыми закладками; разноцветные реброны штофу *пакетного великой руки по белому капавацу*; люстринные шнуровки с золотыми сетками; блестящие караблики; убранные цветами головы, и прочая, и прочая. Все это освящено было давним, с незапамятных времен, употреблением и шло к лицу нашим предкам так точно, как Турку чалма или Черкесу бурка” [Кулиш 1843, с. 9–10].

Процитированный пассаж несет в себе целый ряд ориенталистских мотивов – его можно сравнить с фрагментами классического ориенталистского текста “Путешествия на Восток” Ж. де Нерваля (первое книжное издание – 1851). Рабыня, купленная персонажем де Нерваля в Каире, “очень бы хотела быть одетой как европейская женщина”, но даже “тюлевый чепчик, отделанный бантами” ее уродует – и компромисс заключается в приобретении золотого татикоса, “какие носят гречанки” [Нерваль де 1986, с. 115]. Однако подобное движение с Востока на Запад не одобряется автором, поскольку женщина теряет свою естественность и не может усвоить норм западного мира. Размышляя спустя восемь месяцев о дальнейшей судьбе своего приобретения, персонаж де Нерваля вновь возвращается к мыслям о ее внешнем облике и об одежде в частности: “Конечно, весьма печально, уезжая в Европу и покидая Восток, не

знать, как поступить с купленной рабыней, но жениться на ней! <...> Ей уже восемнадцать лет, а на Востоке это немало; ее красоты хватит лет эдак на десять, а затем я, еще молодой человек, окажусь мужем азиатской женщины, у которой на лбу и на груди вытатуировано солнце, а в левой ноздре отверстие от вдевавшегося туда кольца. И если рабыня очень хороша в левантинском наряде, то в европейской одежде будет выглядеть ужасно. Представьте себе, как я появилось в какой-нибудь гостинной об руку с красоткой во вкусе антропофагов! И для нее, и для меня это было бы нелепо” [*Нерваль де* 1986, с. 261–262].

Если смена одежды уродует невольницу, это же действие украшает главного героя, сохраняя мужскую привлекательность несмотря на возраст: “...если мужчина чувствует в себе способность любить, он может надеяться, что лет до шестидесяти будет вызывать ответные чувства... после той поры, когда щеки покрываются густой растительностью, наступает следующий этап – появляется дородность, хотя, наверное, и придающая красоту телу, но лишаящая его всякого изящества в узких европейских одеждах, в которых сам Антиной выглядел бы коренастым крестьянином. А левантинцы в просторных платьях, расшитых камзолах, шальварах с глубокими складками и широкими поясами, обвешанные оружием, выглядят вполне величественно” – даже лысина и седина не мешают сохранять привлекательность, благодаря местному обыновению брить голову [*Нерваль де* 1986, с. 256–257].

Как писал Э. Саид, “не так уж важно, насколько глубоко специфические отличия, не так уж важно, в какой степени тот или иной отдельный восточный человек может выбиваться за положенные ему пределы, *прежде всего* он – восточный, и лишь *затем* – человек, и, *наконец*, снова восточный” [*Саид* 2006, с. 159]. Потому он оказывается доступен для наблюдателя лишь извне. В другом классическом тексте о Востоке, “Константинополе” (1853) Т. Готье раз за разом отмечает лица, места, ситуации, им наблюдаемые, как надлежащий предмет для живописца, каталогизируя объекты и сюжеты, до сих пор не попавшие в альбом, чтобы в конце концов обнаружить, что пора возвращаться домой: “Вечный маскарад на улицах начал меня раздражать. Мне надоели маски, я истосковался по лицам. Все эти тайны, которые поначалу занимают воображение, с течением времени делаются утомительными, ибо понимаешь, что нет надежды их разгадать” [*Готье* 2000, с. 307].

Если “Восток” – это страна “прошлого”, застывшего и неподвижного (в противопоставлении “историчному Западу”) – бывшей истории, которой там больше нет, то аналогичным образом предстает у молодого Кулиша Малороссия. Говоря об отце главного героя своего романа, сотнике Чарныше, Кулиш отмечает: “Он любил Малороссию, знал, что она отжила уже свой век, состарилась и одряхла духом преждевременно, чувствовал, что она скоро угаснет, и потому предпринял собрать все ее воинские предания, все исторические ее песни и хроники и передать временам будущим в правдивой и подробной летописи.

Мысль эта занимала тогда много умов в Малороссии: ни в одну эпоху не было составлено и переписано столько малороссийских хроник и других материалов для истории, как в эпоху последнего гетманства. Народ, сойдя со сцены действия, любит оглядываться на прошедшее так точно, как старики – толковать о своей молодости” [*Кулиш* 1843, с. 49–50].

Тем самым роман Кулиша, снабженный многочисленными примечаниями с выписками из документов, “Истории Русов”, с этнографическими описаниями, оказывается двойным припоминанием – о временах, когда припоминали живое прошлое Малороссии, с тех пор не только ставшее мертвым, но еще и забытым. Некогда собранные ее “исторические песни и хроники” автор теперь собирает вновь: летописи, когда-то написанные, нужно найти и перечитать заново.

Если прекрасный знаток биографии Кулиша В. Петров в 1929 г. обратил внимание на фрагмент “Черной Рады”, опубликованный еще в плетневском “Современнике” в 1845 г., где “впервые высказалось кулишевское туркофильство” [*Петров* 1929,

с. 399]¹, то я фиксирую, что в скрытом виде подобное “туркофильство” присутствует уже в первом большом опубликованном Кулишем тексте “Михаиле Чарнышенко” (1842 г.). За первые десятилетия XIX в. сложился устойчивый набор образов Малороссии в траvelогах как выходцев из этих мест, так и путешественников, впервые попавших в этот край, предполагавший набор ассоциаций с “югом”, “Италией”, страной “прошлого”, но в то же время “своей” [Толочко 2012, гл. 2]. Тем примечательнее, что Кулиш уже в первом тексте порывает с готовой моделью антикизирования, выбирая вариант ориентализации. Отчасти здесь влияла усвоенная польская традиция, сложившаяся в поэзии и прозе 1830-х–начала 1840-х гг., где “Украина” выступала “своим востоком”. Но усвоение этой традиции Кулишем ее качественно изменяет, так как он теперь не дистанцирован от объекта описания, не описывает “Восток” и “ориентализированную” Малороссию извне, а помещает и себя в описываемый объект – дистанция задается временем (прошлое), а не пространством. При этом современное Кулишу состояние оказывается не приближением к “Западу”, а удалением от “естественного” положения, утратой без приобретения – совершенно в рамках ориентального описания, где столкновение с современностью – опыт разочарования, на Востоке путешественник “Востока” не находит.

Если первоначальное восприятие Кулишем Малороссии укладывается в рамки “антикваризма”, восхищения и воспеваения старины, то к середине 1840-х гг. отношение меняется, наполняясь перспективным содержанием. Речь теперь идет о “возрождении” Украины, а поскольку ставка делается на будущее, то появляется возможность критического отношения к прошлому, более того, последнее оказывается необходимым, дабы преодолеть или не повторить те ошибки, которые привели к нынешнему положению.

Вопрос о будущем Украины активно обсуждался в контексте дискуссии о будущем славянских народов. Кулиш участвовал в этой дискуссии наряду с членами Кирилло-Мефодиевского общества, объединявшего украинских славянофилов. Общество было довольно быстро закрыто жандармами. На допросе в III отделении арестованный по этому делу студент Университета св. Владимира Г. Андрузский 14 апреля 1847 г., характеризуя существовавший в обществе спектр мнений, показывал, что у общества были две цели: “главная... соединявшая всех, была: соединение всех славян воедино, принимая за образец Соединенные Штаты или нынешнюю конституционную Францию... частная при ней существовавшая цель малороссийская: восстановление Гетманщины, если можно отдельно (желание тайное), если нельзя – в Славянщине... Представителем главной цели: Костомаров – умеренно; полный его последователь – Н.И. Гулак... Представителем малороссийской цели: поэт Шевченко и Кулиш – в высшей степени” [Кирило-Мефодіївське... 1990, т. 2, с. 501]. Точность этих показаний Андрузского подтверждается другими свидетельствами. Если для Костомарова горизонтом мышления был “славянский мир”, то Кулиш особенного интереса к славянской проблематике в целом не проявлял. Примечательно, что даже получив двухлетнюю заграничную командировку для приготовления к занятию профессорской должности² и составляя себе инструкцию для занятий, он сконцентрировался на малороссийском

¹ Речь идет о словах Божьего человека в разговоре с “панотцом” Шрамко, исключенных в последующей редакции (надобно полагать, собственно по стилистическим мотивам, так как цель этого диалога состояла в демонстрации Божьего человека как умеющего всюду быть “своим”, для кого Божий мир – его дом): “Скажу вам что честнее Турка нет в свете народу. Ни один купец наш не пожалуется, чтоб его обманули... когданибудь хоть на копейку. Там купцы даже лавок никогда не замыкают, и кому что нужно, приходит в лавку, хоть и нет в ней купца, взял, что ему надобно, положил деньги и пошел себе. Если б Туркам дать нашу веру, то не было б и народу лучшего на свете.

– Ну, уж извини меня, батько, что я тебе попротиворечу, возразил Шрамко: лучше козаков не было и не будет народу!

– Ох, ох, ох! дай Бог чтоб этому была правда! сказал вздохнувши Божий человек” (цит. по [Петров 1929, с. 400]).

² Командировка не состоялась, так как Кулиш был арестован в Варшаве, где остановился на месяц перед отъездом за границу, дожидаясь паспорта для жены и работая в местных библиотеках.

аспекте, в частности намереваясь изучать связи “чешской речи” “с русинским и малорусским наречиями”, “изучить литературу русинов и освоиться с народным их наречием, по отношению его к нынешнему малорусскому” [Нахлик 2007, с. 49]. Уже в 1885 г., в старости, характеризую взгляды свои и близких ему людей, Кулиш писал о радикальных националистических увлечениях времен молодости: “...подавали их (то есть русских. – А.Т.), так сказать, анафеме, под польскою кличкою москали. Нам любо было тогда выражать племенной антагонизм еще более грубым словом. В анекдотических беседах мы называли соплеменников эстетического Пушкина кацапами, alias кацапнёю... Шевченко, воспитанный чтением псевдо-Конисского³, расстаравил... рану, и мы сделались ненавистниками не только тех, которые, по нашему детскому воззрению, были виновниками бедственного положения нашей родной Украины, но и самых москалей, этого, по нашему тогдашнему мнению, грубого и ни к чему высокому не способного народа, который мы звали кацапами” [Кулиш 1885, с. 64–65].

Данную оценку косвенно подтверждает суждение Н. Костомарова на следствии, где он писал: “Украинофильство есть привязанность весьма малого числа малороссиан к своей народности, происходящая от того, что эта народность гаснет, народ меняет свой язык на русский, а известно, когда исчезает народность, всегда является в пользу ее агонистическое движение. Украинофильство глубоких корней не пустило, ибо книги, по-малороссийски писанные, расходятся плохо и появляются редко и преследование их скорее возбudit то, что усыпает навеки” [Кирило-Методіївське... 1990, т. 1, с. 298].

Имея в виду, надобно полагать, преимущественно Кулиша, Костомаров рассказывал: “Главное, что поражает не знающего бессмысленность украинофильства, это их преувеличения, с какими они посредством писателя готовы поставить выше Шекспира, и каждую песню считают превосходнее векового произведения искусства. Притом это остаток идеи народности, которая в образованном кругу перешла уже свою крайность, а в западной Малороссии еще не подчинилась истинной точке зрения” [Кирило-Методіївське... 1990, т. 1, с. 299]. То, что данные оценки не были сиюминутными или вынужденными лишь обстановкой следствия, подтверждают письма Кулиша Костомарову. Так, 27 июня 1846 г. он писал из Петербурга, куда переехал, получив при содействии П. Плетнёва преподавательскую должность в университете: «Молодые люди, вдаваясь в изучение Малороссии, нисколько не лишают себя этим возможности усвоить образованность Европейскую. Зачем брать крайности? Можно любить свой буколический хутор и восхищаться блеском столицы еще больше, нежели человек, никогда на хуторе не живший. Можно знать наизусть все наши песни, предания и летописи и усвоить себе образованность Европейскую в высшей степени. Я не понимаю, как Вы одним решительно исключаете другое! <...> Зачем вы говорите, что у нас, Украинманов, идеалы в голове мужики, свинари, чумаки и т.п. рабы? Я в этих словах не узнаю вас. Это брань и больше ничего. Украинец сочувствует и Ахиллосу и Александру Македонскому и крестовым походам и Генрихам и Людовикам и прочая, но следует ли из этого, чтоб он, оставив свое, писал о них? Пусть пишут о них Греки и Немцы; нам довольно знать это, – и мы знаем. Но оставить своих полуобразованных Гекторов и Ахиллов потому только, что мы не имеем Периклов, Сократов, Наполеонов – верх безрассудства. И вы ли, Н.И., вы ли можете говорить эти ужасные слова: “я не обвиняю тех, которые холодны к своему родному. Человек стремится к лучшему, а чужое лучше!” Нет, у вас засохла живая струна, без которой никогда не будет гармонии в ваших ученых и поэтических действиях. Я обвиняю строго! и учить не быть холодным к своему значит то же, что сказать мертвому: воскресни! <...> Если чужое лучше (в чем я не согласен), то следует ли из этого, что наше ничего не стоит, не стоит усилий целой жизни таких ничтожных существ, как один человек сам по себе? <...> Повторяю, довольно нам изучить иностранное, руководствоваться опытами веков, но действовать у себя дома. Христианство же никак не должно охлаждать наше стремле-

³ То есть “Истории Русов”, автор которой скрылся под именем архиепископа Георгия (Конисского).

ние к развитию своих племенных начал, ибо не без причины брошено в землю зерно и пустило уже глубокий корень. Потеря нашего языка и обычаев есть худшее, что может случиться: а вы говорите, что лишь бы мы были отличными христианами, это еще не несчастье. Не забудьте, что наш Украинец (простой) только до тех пор и христианин, пока все его обычаи и верования при нем. Вы говорите о нас, людях высшего полета, а для массы такое превращение невозможно. Ей нужны деды, батьки, обычаи, чтоб быть твердыми в добродетелях»⁴ (цит. по [Мяковський 1928, с. 53, 54]⁵).

Шурин Кулиша В. Белозерский на следствии говорил: “Кулиш никогда не принадлежал ни к какой партии, а стоял почти всегда отдельно” [Кирило-Мефодіївське... 1990, т. 1, с. 407]. Действительно, он никогда не примыкал ни к какой партии, а если и пытался создать какое-либо объединение, то, как правило, оставался его единственным членом. Следствие по делу Кирилло-Мефодиевского общества согласилось с этим утверждением: Кулиша признали не состоявшим в обществе, в вину ему было поставлено, что “любя пламенно свою родину – Малороссию, он в напечатанных им книгах с восторгом описывал дух прежнего казачества, наезды гайдамаков изображал в виде рыцарства, представлял историю этого народа едва ли не знаменитее всех историй, славу его называл всемирною, приводил песни украинские, в которых выражается любовь к вольности, намекая, что этот дух не протысл и доселе таится в малороссиянах; описывал распоряжения императора Петра I и преемников его в виде угнетений и подавления прав народных”. В результате, как показавший “искреннее сожаление о прежнем своем заблуждении, происходившем от избытка любви к своей родине”, он был приговорен к заключению в крепость на четыре месяца и ссылке “в одну из отдаленных великороссийских губерний на службу, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора, не увольняя его ни в Малороссию, ни за границу, и с тем, чтобы цензура обращала строжайшее внимание на его сочинения, если он будет печатать их отдельно или в журналах” [Кирило-Мефодіївське... 1990, т. 1, с. 68–69]. Утвердив данное предложение, император добавил к нему собственноручно: “Запретить писать”.

Арест и ссылка оказались важнейшим водоразделом в жизни Кулиша: многообещающий молодой исследователь и писатель в мгновение ока превратился в поднадзорного ссыльного с неясными перспективами, для которого первостепенной задачей стало – вернуть гражданский статус и получить возможность печататься. Первые несколько лет, тяжелые психологически, проведенные им в ссылке в Твери, усугублялись глубокой изоляцией, в которой он оказался в провинциальном губернском обществе (см. [Кулиш 1897, с. 42–44, 243; Савченко 1929, с. 20–21]). Это была, скорее, пауза в его деятельности. Но после разрешения вернуться в Петербург в 1851 г. Кулиш столкнулся с необходимостью определить свое место в существующем интеллектуальном пространстве, выбрать дальнейшее направление деятельности. Причем запрещение печататься оставалось в силе до апреля 1856 г., и до этого времени он публиковался под именем своего петербургского приятеля Н. Макарова, подписываясь Николай М.

Приехав в Петербург в начале 1851 г., Кулиш после неудач по службе (когда император, несмотря на представление начальства, отказывает в присвоении очередного чина) в 1852 г. бросается с головой в журнальную работу в “Отечественных записках”, а затем в “Современнике”, где во второй половине 1852–начале 1853 г. становится ос-

⁴ На следствии Костомаров комментировал это письмо следующим образом: “...я к нему (то есть к Кулишу. – А.Т.) писал, что истинный христианин не должен пристращаться к каким-нибудь обычаям народным и вообще к массе того, что называется народностью, и что ежели малороссийская народность пропадет совершенно, то это еще не потеря для человечества, ибо значит так нужно...” [Кирило-Мефодіївське... 1990, т. 1, с. 280–281].

⁵ Что спор о христианстве продолжался – свидетельствует письмо Кулиша от 16 января 1847 г., в котором тот зовет Костомарова к себе на свадьбу на хутор Белозерских, родственников будущей жены Кулиша, Матроновку со словами: “Мы окончим наш диспут о христианстве, если это будет дозволено комнатами” (цит. по [Мяковський 1928, с. 69]).

новным автором, публикуя две повести (“История Ульяны Терентьевны”, “Яков Яковлевич”) и роман “Алексей Одноног”, не считая мелкой журнальной работы. Однако с “Современником” долговременные отношения не сложились: как беллетрист он не имел особенного успеха у критики, роман, на который возлагались большие надежды⁶, пройдет незамеченным читателями и даже не будет завершен, а фельетонная поденщина не устраивала Кулиша – да он и не имел к ней особенного дарования, писать в легком стиле не умел и, надо полагать, гонорар за опубликованный фельетон (“Прогулки по Петербургу”, вышедший в № 1 “Современника” за 1853 г.) не соответствовал затраченному труду.

Кулиш с молодых лет мыслил себя как интеллектуального лидера и идеолога – журнальный труд, который к 1853 г. грозил свестись к “текучке”, его не удовлетворял. Склонный к крайностям, он решает испытать себя в сельской жизни и в 1853 г. приобретает хутор, где несколько месяцев пытается самостоятельно вести хозяйство. Обнаружив вскоре, что оно требует всех его сил, погружая в “животное” существование, он вновь начинает рваться из хутора к городской интеллектуальной жизни, ища новых занятий. Поскольку дядя его жены Н. Белозерский был близким приятелем Н. Гоголя в их молодые годы, а сам Кулиш еще в 1840-е гг. успел обзавестись более или менее близкими знакомствами со многими старшинскими семействами Гетманата (Новгород-Северщины, Полтавщины и Черниговщины), в его распоряжении оказывается достаточный материал для составления “Опыта биографии Николая Васильевича Гоголя”, который он поместил в “Современнике” в 1854 г. Это была его последняя публикация в журнале, которая окончательно испортила его отношения с редакцией, и ранее весьма тяжелые (до того он расстался с “Отечественными записками” А. Краевского)⁷.

Но именно эти перемены станут важным событием в жизни Кулиша. Составив “Опыт...”, он задумал на его основе написать подробную биографию Гоголя, для чего предпринял поиск новых материалов – и вскоре сошелся с семейством Аксаковых. Напомню, что именно для Кулиша С. Аксаков примется за диктовку “Истории моего знакомства с Гоголем” – текста, не предназначенного для печати и впервые частично опубликованного только в 1880 г. в газете И. Аксакова “Русь”⁸. Отношения, однако, быстро вышли за пределы рабочих. Кулиша сердечно приняли в аксаковском семействе, где он читал свои художественные произведения, делился мыслями и планами и восхищался старшим Аксаковым.

“Записки о жизни Гоголя”, образно говоря, выходили под редактурой аксаковского семейства: Кулиш читал готовящиеся разделы и вносил правку, не только стилистическую, проникаясь их взглядами и повторяя в письмах их оценки текущих событий. Так, 12 апреля 1855 г. Кулиш писал из Петербурга Аксаковым: “Скажу только, что Москва расположила меня к созерцательной жизни и заставила меня войти глубже в собственную душу. Одно время я был в таком состоянии, которого давно уже не испытывал: какая-то юношеская свежесть сердца посетила меня; я был точно влюбленный, но предметом моей любви сделалась вся Россия. Это были чудные минуты!” (цит. по [Пирожкова 2013, с. 428]). По получении этого письма В. Аксакова, дочь писателя отмечала в дневнике, что письмо “очень умное и замечательное, он говорит о впечатлении, произведенном на него Москвою (он там встречал Святую), о том, что элемент общерусский начинает тесниться в его хохлацкую душу и что много благодарен Константину” [Аксакова 2013, с. 187].

В результате в 1856–1858 гг. Кулиш прочно войдет в круг московского славянофильства, не разделяя вполне его взгляды, но близкий к ним (подробнее я оговорю дан-

⁶ Начало “Алексея Однонога” было опубликовано в 12-й, декабрьской книжке “Современника” – с продолжением уже в 1853 г., то есть в момент подписки, когда печатались наиболее “ударные” вещи, способные заинтриговать читателя и побудить его подписаться на следующий год.

⁷ О событиях в жизни Кулиша 1847–1854 гг. см. подробнее [Петров 1929, с. 1–71; Нахлик 2007, с. 60–103; Тесля 2015^b].

⁸ Об истории создания и опубликования этого текста см. [Аксаков 1960, с. 5; Петров 1929, с. 80].

ный аспект ниже) и связанный с их проектами, в первую очередь с изданием “Русской Беседы”, в которой станет одним из основных авторов. В издаваемом и редактируемом А. Кошелевым⁹ журнале была опубликована его повесть “Феклуша” [Кулиш 1856] (принадлежащая к тому же автобиографическому циклу, что и две повести 1852 г., опубликованные в “Современнике”), русский вариант романа “Черная Рада” [Кулиш 1857^a], имевший характер манифеста эпилог к роману, задуманный как предисловие к отдельному изданию [Кулиш 1857^b]. В двух книгах журнала за 1856 г. публиковались фрагменты “Записок о Южной России” (в 1857 г. в журнале появилась развернутая – на 21 страницу – весьма сочувственная рецензия Н. Ригельмана на “Записки...” [Р-н 1857]). В 1859 г., последнем году полноценного существования журнала¹⁰, “Русская Беседа” опубликовала большую статью Кулиша [Кулиш 1859] и его перевод польской статьи по истории общины [Мацевевский 1859]¹¹.

Еще более сблизит Кулиша с доктриной московских славянофилов его первое заграничное путешествие, состоявшееся в 1858 г. До этого он, как и многие из людей его круга, был склонен идеализировать Европу, противопоставляя ее России. Достаточно характерна, например, его фраза из письма к Плетнёву от 20 апреля 1857: “Когда-нибудь и для меня настанет время свободы, когда-нибудь вырвусь уже из этого ужасного государства” (цит. по [Петров 1929, с. 364, прим. 1]). Как и многие из его современников, начиная с А. Герцена, попав в Европу, он испытывает разочарование. Оказывается, реальность далека от идеального образа: многие несовершенства жизни, представлявшиеся особенностью “этого ужасного государства”, столь же, если не больше, распространены и за его пределами, и социальная несправедливость оказывается не менее вопиющей. О европейской публике Кулиш пишет: “Город очень нравится ее эгоизму, это берлога, в которой богач защищен от братских притязаний бедняка на его имущество. Правительству тоже города необходимы” (цит. по [Петров 1929, с. 373]).

18/30 апреля 1858 г. Кулиш сообщает Плетнёву: “Брюссель скоро нам наскучил своим *мецанством*. Люди в Брюсселе не беседуют, а вечно считают деньги. Чуть только войдет в разговор предмет, не связанный с деньгами, разговор прекращается, приятели среди ночи желают другу божура и бегут туда, где пахнет выигрышем, доходом, спекуляцией. Предвидя в первые дни нашего пребывания, что долго нам не усидеть среди этого арифметического народа, я не решился беспокоить напрасно своим посещением сенатора, негодянта и оружейника, к которому Вы, почтеннейший друг П[етр] А[лександрович], дали мне карточку” (цит. по [Петров 1929, с. 370]). Из Берлина тому же корреспонденту: “В Берлине нищих нет, все одеты гораздо ровнее, нежели в Брюсселе, и вообще живут как-то дружелюбнее. Здесь богач топчет бедного равнодушно, роскошь не знает границ и не стыдится окружающих ее лохмотьев”¹² (цит. по [Петров 1929, с. 372]).

К 1860 г. Кулиш предпримет издание недолговечного журнала “Хата”, затем, с 1861 г. станет одним из основных авторов петербургского двуязычного журнала “Основа”, издаваемого его шурином Белозерским на средства Н. Катенина. С этого времени система его взглядов определилась на ближайшие полтора десятилетия, а в базовых чертах – до конца жизни. Ее первый очерк дан в Эпиллоге к “Черной Раде” [Кулиш 1857^b], а затем был развернут в “Письмах с хутора”, публиковавшихся по-украински в “Основе” [Кулиш 1861].

Плетнёву Кулиш писал 3 апреля 1857 г.: “Меня запрятали в глушь, когда я ничего еще не сделал и только начинал учиться писать, а теперь уже посеянного мною из зем-

⁹ При соучастии в редакции последовательно Т. Филиппова, П. Бартенева, М. Максимовича и в период 1858–1859 гг. при фактическом редактировании И. Аксаковым.

¹⁰ В следующем, 1860 г., издание превратилось в неперIODические сборники, были выпущены две книжки, последняя из которых приобрела мемориальный характер – открываясь некрологической заметкой Кошелева на смерть А. Хомякова и завершаясь некрологом К. Аксакова, написанным М. Погодиным.

¹¹ Атрибуция авторства перевода: [Русская беседа 2011, с. 514, прим. 64].

¹² Письмо в тексте помечено 9 апреля 1858 г. [Петров 1929, с. 373], но это явно ошибочно при сопоставлении с датой предшествующего письма, отправленного сразу же по возвращении из Брюсселя.

ли не выроют: возрастит его Господь, когда после зимы наступит весна и придет время посева дать плод свой. Для вашего успокоения однако ж скажу, что, с одной стороны, времена в России переменялись и людей мыслящих уже не преследуют (даже Шевченка освободили из заточения), а, с другой, я теперь искуснее в управлении судом своим в житейском море, и у людей истинно умных слышу не только не инсургентом, а напротив – Русским патриотом, что и справедливо, ибо, любя страстно Малороссию, я люблю то, что и составляет собственную Русь” (цит. по [Петров 1929, с. 321]).

Эта “формула двузначная”, как отмечает Петров, именно своей двузначностью она выражает “суть кулишевой мысли” [Петров 1929, с. 321]. Эпилог Кулиш завершал следующим принципиальным суждением: “Мне хотелось доказать, что не ничтожный народ присоединился в половине XVII века к московскому царству. Он большею частью состоял из характеров самостоятельных, гордых сознанием своего человеческого достоинства; он, в своих нравах и понятиях, хранил и хранит до сих пор начала высшей гражданственности; он придал России множество новых, энергических деятелей, которых влияние немало способствовало развитию государственной силы Русского народа; он, наконец, пришел в единоплеменную и единоверную ему Россию с языком, богатым собственно ему принадлежащими достоинствами, которые в будущем, своенародном образовании литературы должны усовершенствовать орган русского чувства и русской мысли, – это великий орган, по степени которого ценятся историей народы” [Кулиш 1857^b].

В пояснение данного фрагмента уместно процитировать куда более позднюю мемуарную заметку Кулиша, в которой он говорит о Плетнёве: “За его незнание малорусского языка я смотрел на него как на человека, не получившего *вполне русского* литературного образования” [Кулиш 1885, с. 66]. Комментируя свой взгляд, Кулиш пишет: “Когда Южная Русь, или, как обыкновенно ее называют, Малороссия, присоединилась к Северной или Великой России, умственная жизнь на Севере тотчас оживилась притоком новых сил с юга, и потом Южная Русь постоянно уже принимала самое деятельное участие в развитии северно-русской литературы. Известно каждому, сколько малороссийских имен записано в старых летописях русской словесности. Люди, носившие эти имена, явились на север с собственным языком, каков бы он ни был – чистый южно-русский или, как утверждают некоторые, полу-польский, живой народный или черствый академический, – и ввели этот язык в тогдашнюю русскую словесность, как речь образованную, освоенную с общеевропейскою наукою и способную выражать ученые и отвлеченные понятия. Природные Москвичи оставили язык своих разрядных книг и грамот для этой речи, и в Российском государстве, помимо народного северно и народного южно-русского языков, образовался язык, составляющий между ними средину и равно понятный обоим русским племенам. Дойдя до известной степени ясности и полноты, он начал очищаться от старых, выкованных в школах и чуждых народному вкусу, слов и оборотов, заменяя их словами и оборотами языка живого, которым говорит народ, – и тут приток северно-русского элемента в литературный язык сделался почти исключительным. В свою очередь Малороссияне отреклись от природного языка своего, и, вместе с просвещением, разливавшимся по империи из двух великих жерл, Москвы и Петербурга, усвоили себе формы и дух языка северно-русского” [Кулиш 1857^b, с. 124].

Но развитие языка на этом не остановилось – и ресурсов северно-русского языка оказалось недостаточно, по крайней мере явление Гоголя показало, “что Пушкин владел еще не всеми сокровищами русского языка... что вновь открылся на земле русской источник слова, из которого наши северные писатели давно уже перестали черпать”. Отчуждение образованного общества от родного языка – языка по крайней мере одной половины “Русского народа” – “с одной стороны... поселяет в доверчивом к авторитетам юношестве пренебрежение к предмету, достойному самого прилежного, специального изучения, с другой – питает чувство племенного отчуждения, выражающееся у Малороссиян или в равнодушии ко всему, что не-малороссийское, или в безобразных карикатурах действительности” [Кулиш 1857^b, с. 125–127].

Подобно тому, как нерусский язык образованного общества был символом отчуждения его от народа в глазах московских славянофилов, так для Кулиша чуждость украинскому языку стала симптомом разобщения, следствием социальной ситуации, а отнюдь не его причиной. Возвращение к украинскому языку, по Кулишу, означает его кардинальное изменение, дабы он мог выражать понятия современного мира, все потребности современной жизни, а не быть языком лишь низших слоев, языком плебеев – это путь к воссоединению общества, на котором высшие слои начнут понимать низшие и наоборот. А возникает это только в тот момент, когда появляется потребность во взаимопонимании, то есть когда разные слои общества оказываются именно единым обществом. В письме к Плетнёву 4 декабря 1856 г. Кулиш описывает свой опыт чтения крестьянам проповедей на украинском языке: “Я читал первые листы Малороссийским поселянам, и слезы их были для меня наградою. Если бы я знал чухонский язык, я писал бы для чухонцев, позабыв о Русской литературе, *лишь бы мое слово трогало до слез читателей* (курсив мой. – А.Т.)” (цит. по [Петров 1929, с. 279]). Отсюда и своеобразная литературно-языковая стратегия Кулиша, пытающегося охватить едва ли не все литературные страты – начиная от проповедей для крестьян вплоть до перевода Библии и публицистики на украинском языке, не говоря об украинском романе или лирике. Речь тут не только о том, чтобы крестьянин слушал проповедь на родном языке, а чтобы все слои народа могли изъясняться на нем, чтобы движение по социальной иерархии не приводило к необходимости отказа от своего языка, а многоязычие (стандартное для большинства помещиков или мещан) не становилось социальным многоязычием.

Значительно более важный индивидуальный вклад Кулиша – его переработка славянофильской (московской) философии истории¹³. На смену расплывчатым, не имеющим шансов на реализацию и от того радикальным (поскольку не имеющих “упора” в реальности) политическим настроениям середины 1840-х гг. приходит отречение от стремлений к украинской самостоятельности, от мечтаний о независимой государственности, “славянской федерации” и т.п. Российская империя принимается не только как существующий, но и как оправданный порядок вещей, требующий не разрушения/свержения, а перестройки. По мере того как во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. Кулиш с более или менее близкими единомышленниками получают новые возможности для деятельности, отказываясь от мечтаний о политической борьбе ради уже существующих и расширяющихся сфер активности.

В качестве своего рода сверхзадачи для Кулиша и его соратников выступает реформирование Российской империи, где Украина займет центральное положение – вернет себе тот статус, который она в культурном плане занимала с присоединения к Москве вплоть до конца XVIII в. Логика подобных притязаний далеко не столь фантастична, как представляется с первого взгляда. Структурным конфликтом восточно-европейской истории последних столетий выступает противостояние Польши и Москвы, в котором Украина оказывалась жертвой то одной, то другой стороны, деливших ее между собой или отдававших на разграбление Орде, безначалию и т.д. [Кулиш 1899, с. 314–315]. С включением большей части Польши в состав Российской империи (к 1815 г.) конфликт никуда не исчез, став внутренним напряжением в структуре империи, вылившись в восстание 1830–1831 гг. (и затем, что подтвердит ход рассуждений Кулиша, в восстание 1863 г.). Польша и Москва не могут найти компромисс, но эту роль может сыграть третья сила – Украина, оказываясь посредником между двумя ведущими частями империи, теперь лишь взаимно ослабляющими друг друга. Пока Польша и Москва находятся в противоборстве за лежащие между ними земли и населяющие их народы – последние выступают лишь объектом властвования. Становление

¹³ Логика языкового национального “возрождения”, отстаиваемая Кулишем, является общей для процесса нацистроительства и многократно и разнообразно обсуждалась в предшествующие десятилетия чехами, словаками, сербо-хорватами и другими участниками аналогичных движений. В рамках той же языковой политики находится, например, принципиальный для московских славянофилов вопрос об издании русского перевода Св. Писания и о переходе к русскому языку в богослужении.

же этих народов (в частности, Украины) в качестве субъекта, появление их в роли действующих лиц не только снимает спор за обладание ими, но и превращает Украину в медиатора – культурного и социального¹⁴ (см. [Петров 1929, с. 290–300]). В такой оптике Кулиш возвращается к тезису об отказе от “политического” в пользу программы “культурничества”, осмысляя украинский народ как “неполитический”, то есть не претендующий на самостоятельное господство. В данном рассуждении, развернутом в письме к М. Юзефовичу от 19 января 1857 г. [Кулиш 1899, с. 313–316], проступает славянофильская схема истории с противопоставлением “Европа–Россия”, как начала “насильственного” и начала “мирного”, “правды внешней” (формальной) и “правды внутренней” (справедливости); описание народа “безгосударственного”, то есть лишённого соблазна властвования, отдающего власть вовне, избавляющего себя от этого бремени ради обеспечения внутренней свободы (см. [Цимбаев 1986; Тесля 2014, с. 56–72; 80–99]). Весь этот ход рассуждений переносится на историю Украины, теперь оказываясь противопоставлением двух “русских народностей”, “Московщины – Украины”: «Сонмы, сонмы великие дело делают, как настает великая година! Сонмы рождают из себя великих человеклюбцев, великих граждан, великих мудрецов! Из сей то благодатной пашни вырастает питающее и плодотворящее жниво; а нигде не родится духовного жнива больше, чем на Украине, – только жнецов мало и нужно нам молить Бога, чтобы вывел больше жнецов на ниву свою. А пока что будут поступать так, как поступали наши предки. Москва их избегает, а они к Москве гребут, как тот брат, которого покинули родные братья в самарских степях; Москва их чурается, а они славя царя и мечтают поддаться под его руку; Москва раздирает Украину на части и одну часть кидает в жертву Ляхам, другую Туркам на надругание, третью сама обдирает, а они за зло платят добром и защищают ее от шведа, как защищали христианский мир от мусульман, а православный от католиков. Укоряет нас Шевченко “овечьей природой”; но как посмотришь на всю историю, то есть у всего этого сонма народного какой-то высший разум и не даром сказано: “терпи козак – атаманом будешь!”. Придет время – и, может, уже скоро, когда “кроткие наследуют землю»» [Кулиш 1899, с. 314–315].

Таким образом, последовательная деполитизация украинофильства, проводимая Кулишем, выступает единственным способом достижения политических целей в существующих условиях Российской империи. Крайне малочисленное украинское национальное движение не имеет возможности выступать как политический субъект – любой конфликт с империей приведет лишь к ограничению и без того малых возможностей, которыми располагают украинофилы. Объясняя свою позицию в 1864 г. в письме жене, Кулиш с раздражением писал о радикальных настроениях в украинском петербургском кружке: “Странно, что умные люди воображают, будто бы Россия находится накануне своего разрушения, и что Украина готова выступить на политическое поприще во имя либеральных начал своей народности, тогда как потребны целые века невагод и смут для разрушения того, что сложилось веками и выпробовано столькими испытаниями. Что же касается до Украины, то, допуская даже распадение России, я не вижу для нее другой участи, как сделаться игрищем соседних наций” [Кулиш 1997, с. 196; Тесля 2015^е].

Напротив, возможность действовать появляется лишь тогда, когда империя оказывается заинтересована в украинофилах. Они должны быть ее союзниками – например, в борьбе с польским влиянием на Правобережной Украине или выступая как ее агенты в проведении государственной политики в Царстве Польском, как и сделают Белозерский и сам Кулиш, заняв предложенные им должности. Данная политическая линия будет отстаиваема Кулишем вплоть до конца 1870-х гг., то есть до того момента, пока, на его взгляд, пространство сотрудничества будет достаточным по сравнению с имеющимися ресурсами.

¹⁴ Данная схема в романтическом виде представлена в “Книге бытия украинского народа” (см. [Тесля 2015^д]). Деполитизируя ее, Кулиш тем самым вводит ее в сферу политического использования.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Аксаков С.Т. (1960) История моего знакомства с Гоголем. М.: Изд-во АН СССР.
- Аксакова В.С. (2013) Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский Дом.
- Готье Т. (2000) Путешествие на Восток. М.: Издательство им. Сабашниковых, 344 с.
- Єфремов С. (1927) Провіянйй Куліш // Пантелеймон Куліш: зб. пр. Коміс. для видавання пам'яток новітнього письменства. Київ: З друк. УАН.
- Кирило-Мефодіївське товариство (1990) У 3 т. Київ: Наукова думка.
- Когут З. (1996) Російський централізм і українська автономія: ліквідація гетьманщини, 1760–1830. Київ: Дніпро.
- Кулиш П.А. (1885) Воспоминания о Николае Ивановиче Костомарове // Новь. Т. 4. № 13. С. 61–75.
- Кулиш П.А. (1859) Климентий, украинский стихотворец времен гетмана Мазепы // Русская Беседа. Т. V. Кн. 17. С. 79–140.
- Кулиш П.А. (1857^a) Об отношении малороссийской словесности к общерусской: эпилог к “Черной Раде” // Русская Беседа. Кн. III (VII). Отд. I. С. 123–145.
- Кулиш П.А. (1843) Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад. В 3 ч. Ч. 1. Киев: Унив. тип.
- Кулиш П.А. (1899) Письма П.А. Кулиша к М.В. Юзефовичу (1843–1861 гг.) // Киевская старина. Т. LXIV. Кн. 2. С. 185–208; кн. 3. С. 185–208.
- Кулиш П.А. (1897) Письма П.А. Кулиша к О.М. Бодянскому (1846–1877 гг.) // Киевская старина. Т. LIX. С. 27–45, 242–280, 370–472.
- Кулиш П.А. (1856) Феклуша. Повесть из воспоминаний детства // Русская Беседа. Кн. III. Отд. I. С. 3–102.
- Кулиш П.А. (1861) Хуторянин Листи с хутора // Основа. № 1. С. 310–318; № 2. С. 227–232.
- Кулиш П.А. (1857^b) Черная Рада, хроника 1663 г. // Русская Беседа. Кн. II. Отд. I. С. 1–108; кн. III. Отд. I. С. 1–122.
- Куліш П.А. (1997) Листи до М.Д. Білозерського. Львів; NYC: Відавництво М.П. Коць.
- Мацеевский В.А. (1859) Голос из Польши по случаю спора современных русских писателей о начале и развитии общины, как старославянской вообще, так и русской в особенности // Русская Беседа. Кн. VI (XVIII). Отд. V. С. 65–80.
- Міяковський В. (1928) Люди сорокових років (Кирило-мефодіївці в їх листуванні) // За сто літ. Кн. 2. Київ: Державне видавництво України. С. 33–98.
- Нахлик Є. (2007) Пантелеймон Куліш: особистість, письменник, мислитель. В 2 т. Т. 1. Життя Пантелеймона Куліша. Київ: Український письменник.
- Нерваль Ж. де (1986) Путешествие на Восток. М.: Наука.
- Петров В. (1929) Пантелимон Куліш у п'ядесяти роки. Життя. Ідеологія. Творчість. Т. 1. Київ: Друкарня ВУАН.
- Пирожкова Т.Ф. (2013) Примечания // Аксакова В.С. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский Дом. С. 375–461.
- Русская беседа. История славянофильского журнала (2011) М.: Пушкинский дом.
- Р-н Н. (Ригельман Н.А.) (1857) Записки о Южной России, издание П.А. Кулиша. Т. 1. 322 с; т. 2. 354 с. // Русская Беседа. Кн. IV (VIII). Отд. 3. С. 1–21.
- Савченко Ф. (1929) Листи П. Куліша до М. Погодіна (1842—1851) // П.О. Куліш (матеріали і розвідки). Ч. 1. Львів: Накладом наукового Товариства ім. Шевченка. С. 6–26.
- Саид Э.В. (2006) Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мирь. 637 с.
- Тесля А.А. (2015^a) Вариации на тему политической теологии: “Книга бытия украинского народа” // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 2. С. 64–88.
- Тесля А.А. (2015^b) К социальным основаниям украинофильства: П.А. Кулиш в конце 1840-х–1-й пол. 1850-х гг. // DIXI-2015: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Сборник научных трудов. Вып. 6. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП. С. 40–57.
- Тесля А.А. (2014) Первый русский национализм... и другие. М.: Европа.
- Тесля А.А. (2015^c) Соперник “большой русской нации”: украинское национальное движение 2-й пол. XIX–нач. XX в. // Вопросы национализма. № 1 (21). С. 91–103.
- Толочко А. (2012) Киевская Русь и Малороссия в XIX в. Киев: Laugus.
- Цимбаев Н.И. (1986) Славянофильство. М.: Изд-во МГУ.

Depoliticization as Political Action (To the History of Evolution P. Kulish's Political Views at 1840–1850th)

TESLIA A.*

* *Teslia Andrey* – candidate of sciences (Philosophy), associate professor, Pacific National University. Address: 136, Tihookeanskaya st., Khabarovsk, Russian Federation, 680035. E-mail: mestr81@gmail.com.

Abstract

This paper analyzes the evolution of political views of Panteleimon Kulish in 1840–1850's. As one of the ukrainophile movement leaders he had a great influence on its formation and progress, not only, and often not so much directly, but as the author of approaches and positions which formed positions of opponents. The paper focuses on the basic theoretical views of Kulish and notes the sophisticated interlacing of Orientalist and counter-Orientalist optics. Conversion from sentimental perception of Little Russia to uncertain and radical views in the middle of the 1840's and in the second half of the 1850's to "kulturnichestvo" and "hutoryanstvo" which are based on reinterpretation of Moscow slavophilism is observed. "Kulturnichestvo" of Kulish is considered as a political program of depoliticization unlike a direct political action giving way to the progress of the Ukrainian national movement in the conditions of the Russian Empire in a "Great Reforms" era.

Keywords: N. Kostomarov, P. Kulish, nationalism, political messianism, romanticism, slavophilism, ukrainophilism.

REFERENCES

- Aksakov S.T. (1960) *Istorija moego znakomstva s Gogolem* [The History of My Acquaintance with Gogol]. Moscow: Izd-vo AN USSR.
- Aksakova V.S. (2013) *Dnevnik. Pis'ma* [The Diaries. The Letters]. St. Petersburg: Pushkin-skiy Dom.
- Cimbaev N.I. (1986) *Slavjanofil'stvo* [Slavophilism]. Moscow.: Izd-vo MGU.
- Goutier T. (2000) *Puteshestvie na Vostok* [Journey to the East]. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh.
- Efremov S. (1927) *Provijanyj Kulish* [Proviyany Kulish. Panteleimon Kulish: Commission to issue a collection of monuments of modern literature]. *Pantelejmon Kulish: zb. pr. Komis. dlja vydavanija pam'jatok novitn'ogo pys'menstva*. Kiev: Z druk. UAN.
- Kogut Z. (1996) *Rosijs'kyj centralizm i ukrai'ns'ka avtonomija likvidacija get'manshhyny, 1760–1830* [Russian centralism and Ukrainian autonomy. Dissolution of Hetman, 1760–1830]. Kiev: Dnipro.
- Kulish P.A. (1857^b) *Chernaja Rada, hronika 1663 g.* [The Black Council, chronicle of 1663]. *Russkaja Beseda*. b. II, part 1, pp. 1–108; b. III. part 1, pp. 1–122.
- Kulish P.A. (1856) *Feklusha: Povest' iz vospominanij detstva* [Feklusha: Story from childhood memories]. *Russkaja Beseda*, b. III, part I, pp. 3–102.
- Kulish P.A. Hutorjanin (1861) *Listi s hutora* [Farmers (1861) Letters from the farm]. *Osnova*, no. 1, pp. 310–318, no. 2, pp. 227–232.
- Kulish P.A. (1859) *Klimentij, ukraïns'kij stihotvorec vremen getmana Mazepy* [Klimenty, Ukrainian poet of times of the hetman Mazepa]. *Russkaja Beseda*, vol. V, b. 17, pp. 79–140.
- Kulish P.A. (1997) *Lysty do M.D. Bilozers'kogo* [Letters to M.D. Belozersky]. L'viv; NYC: Vidavnytstvo M.P. Koc'.
- Kulish P.A. (1843) *Mihajlo Charnyshenko, ili Malorossija vosem'desjat let nazad* [Mikhailo Charnyshenko, or Little Russia eighty years ago]. 3 vol., vol. 1. Kiev: Univ. tip.
- Kulish P.A. (1857^a) *Ob otnoshenii malorossijskoj slovesnosti k obshherusskoj: jepilog k "Cher-noj Rade"* [About the relation of Little Russian literature to the all-Russian: an epilog to "The Black Council"]. *Russkaja Beseda*. B. III (VII), part 1, pp. 123–145.

Kulish P.A. (1899) Pis'ma P.A. Kulisha k M.V. Juzefovichu (1843–1861 gg.) [Letters of P.A. Kulish to M.V. Yuzefovich (1843–1861 years.)]. *Kievskaja starina*. Vol. LXIV. B. 2, pp. 185–208; b. 3, pp. 303–324.

Kulish P.A. (1897) Pis'ma P.A. Kulisha k O.M. Bodjanskomu (1846–1877 gg.) *Kievskaja starina*. Vol. LIX. [Letters of P.A. Kulish to O.M. Bodyansky (1846–1877 years)]. V. LIX, pp. 27–45, 242–280, 370–472.

Kulish P.A. (1885) Vospominaniya o Nikolae Ivanoviche Kostomarove [Memories about Nikolay Ivanovich Kostomarov]. *Nov'*, vol. 4, no. 13, pp. 61–75.

Kyrylo-Mefodii'vs'koe tovarystvo (1990) [Cyril Mefodiyivskoe Society]. 3 vol. Kiev: Naukova dumka.

Maceevskij V.A. (1859) Golos iz Pol'shi po sluchaju spora sovremennyh russkikh pisatelej o nachale i razvitii obshhiny, kak staroslavjanskoj voobshhe, tak i russkoj v osobennosti [Voice of Poland on the occasion of the dispute of modern Russian writers about the beginning and progress of the community both old Slavic in general, and the Russian in particular]. *Russkaja Beseda*. B. VI (XVIII), part 5, pp. 65–80.

Mijakovs'kyj V. (1928) Ljudy sorokovyh rokov (Kyrylo-mefodiyivcy v yih lystuvanni) [People of the fortieth years]. *Za sto lit*. B. 2. Kiev: Derzhavne vydavnytstvo Ukraïny, pp. 33–98.

Nahlyk Je. (2007) *Pantelejmon Kulish: osobystist', pys'mennyk, myslytel'*. Vol. 1: Zhyttja Pantelejmona Kulisha [Panteleimon Kulish: personality, writer, thinker. 2 vol., vol. 1: Life of Panteleimon Kulish]. Kiev: Ukrain's'kyj pys'mennyk.

Nerval' Zh. de (1986) *Puteshestvie na Vostok* [Voyage to the Orient]. Moscow: "Nauka".

Petrov V. (1929) *Pantelymon Kulish u p'jadesjati roky. Zhyttja. Ideologija. Tvorchist'*. [Panteleimon Kulish in the fifties. Life. Ideology. Creation]. Vol. 1. Kiev: Drukarnja VUAN.

Pirozhkova T.F. (2013) Primechanija [The notes]. *Aksakova V.S. Dnevnik. Pis'ma* [Aksakova V.S. The Diaries. The Letters]. St. Petersburg: Pushkinskij Dom, pp. 375–461.

Russkaya beseda. Istoria slavyanofil'skogo zhurnala (2011) [Russian conversation. The History of the Slavophile Journal]. Moscow: Rishkinskij dom.

R-n N. (Rigel'man N.A.) (1857) Zapiski o Juzhnoj Rossii, izdanie P.A. Kulisha. [Notes on Southern Rus'. P. A. Kulish's edition. Vol. 1. 322 pp; Vol. 2. 354 pp.]. T. 1. 322 s; T. 2. 354 s. *Russkaja Beseda*. B. IV (VIII), part 3, pp. 1–21.

Said E.W. (2006) Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka [Orientalism: Western Conceptions of the Orient]. St. Petersburg: Russkij Mir.

Savchenko F. (1929) Lysty P. Kulisha do M. Pogodina (1842–1851) [Letters P. Kulish to M. Pogodin (1842–1851)]. *P.O. Kulish (materijaly i rozvidky)*. Part 1. L'viv: Nakladom naukovogo Tovarystva im. Shevchenka, pp. 6–26.

Teslia A.A. (2015^a) Variacii na temu politicheskoi teologii: "Kniga bytija ukrainskogo naroda" [Variations on theme of political theology: "Genesis of the Ukrainian people"]. *Sociologicheskoe obozrenie*. Vol. 14, no. 2, pp. 64–88.

Teslia A.A. (2015^b) K social'nym osnovanijam ukrainofil'stva: P.A. Kulish v konce 1840-h–1-j pol. 1850-h gg. [To the social bases of Ukrainophilism: P.A. Kulish at the end of 1840–1st half of 1850's.]. *DIXI-2015: idei, gipotezy, otkrytija v social'no-gumanitarnyh issledovanijah. Sbornik nauchnyh trudov*. Vyp. 6. Habarovsk: RIC HGAJeP, pp. 40–57.

Teslia A.A. (2014) *Pervyj russkij nacionalizm... i drugie* [First Russian nationalism... and others]. Moscow: Evropa.

Teslia A.A. (2015^c) Sopernik "bol'shoj russkoj nacii": ukrainskoe nacional'noe dvizhenie 2-j pol. XIX–nach. XX v. [Rival "Great Russian Nation": Ukrainian national movement of the 2nd half of the XIX–early XX century]. *Voprosy nacionalizma*, no. 1 (21), pp. 91–103.

Tolochko A. (2012) Kievskaja Rus' i Malorossija v XIX v. [Kievan Rus' and Little Russia in the Nineteenth Century]. Kiev: Laurus.